

К проблеме комментария пушкинского ноэля «Сказки. Ноël» («Ура! в Россию скачет...»)

В статье предпринят комментарий образа Буки в стихотворении Пушкина 1818 г. «Сказки. Ноël». Исследуется, как традиционное понимание пространственно-временных категорий и «фольклорная память» образа могут играть в ситуации политического памфлета.

Ключевые слова: Пушкин, Бука, Ноël, памфлет.

V. V. Golovin

To a problem of commenting on Pushkin's noël «Fairy tales. Noël» («Urah! V Rossiju skachet...»)

The purpose of the given article is to comment on the character of Buka in Pushkin's 1818 poem «Fairy tales. Noël» is undertaken. A research of usage of traditional understanding of existential categories and «folklore memory» in a political lampoon is performed.

Keywords: Pushkin, Buka, Noël, lampoon.

Литературный персонаж, даже если он является «двойником» фольклорного, обладает иным функциональным полем. По сути дела, это только литературный образ, поскольку он функционирует и воспринимается в совершенно иной, чем в традиции, культурной сфере. Но при всех своих функциональных трансформациях и изменении адресата воздействия, такой образ может внести в литературный текст весьма любопытную коллизию, содержание которой расшифровывается только в традиции.

Наверное, одна из первых попыток поэтического освоения традиционного образа Буки представлена в стихотворении А. С. Пушкина «Сказки. Ноël» (1818)¹. В ноэле Пушкина происходит нарочитое смешение жанров (колыбельная, сказка, памфлет), времени и пространства («новозаветное», европейское, российское), персонажей (Божественные, демонологические и реально-чиновничьи). Вместе с тем ситуационный (убаюкивание), временной (Рождественский) и образный ряд обуславливают свою логику в этом, казалось бы нарочито эклектичном, поэтическом построении.

Ноël (Рождественская песенка) требует упоминания начала Новозаветной истории. У Пушкина Мария успокаивает младенца-Спасителя. «Сказками» оказывается драматическое «вещание» царя-отца: «Царь входит и вещает», и именно они и должны окончательно усыпить младенца: «А мать ему: «Бай-бай! Закрой свои ты глаз-

ки; // Пора уснуть уж наконец, // Послушавши, как царь-отец // Рассказывает сказки». Пушкин иронически обыгрывает традиционную ситуацию убаюкивания. Младенец в ноэле засыпает, слушая «сказки» не в фольклорном значении этого слова, а в другом – переносном («сказки» как ложь, вранье). Обозначение жанра сказки в стихотворении – лишь интрига, а не указание на использование жанровой традиции. Но при этом определение «сказки», вынесенное в название, задает определенное отношение к содержанию. Сказка – это заведомый вымысел. Таким образом, как к фикции, обману следует относиться и к речи царя². И здесь в свои права вступает колыбельная песня, представленная ситуацией убаюкивания, маркером жанра («Бай-бай»), формулами («Не плачь, дитя, не плачь сударь», «Закрой свои ты глазки») и мотивом пугания с традиционным колыбельным образом – Букой:

...Мария в хлопотах Спасителя стращает:
«Не плачь, дитя, не плачь, сударь:
Вот бука, бука – русский царь!»

Уподобление царя Буке исключительно в русской традиции. Семантика авторской формулы «Вот бука, бука – русский царь» опирается как на общеизвестность колыбельного персонажа, так и на коренящийся в сознании каждого русского человека страх перед царем. Бука – демонологический образ, обитатель «чужого пространства», по народным пред-

ставлениям – «чужой»; несущий опасность.

Но сопоставление русского царя и «чужого» Буки вносит в стихотворение особый смысл. Бука – весьма своеобразный персонаж народной демонологии. С одной стороны, и как чаще всего воспринимается Бука, это образ пугания. Не только в колыбельной, но и в быту Бука предстает как образ страха: в Тихвинском уезде в окно кличут «Буку» для незасыпающего младенца, Бука «используется» в ситуации объяснения-пугания при прекращении грудного кормления (например, тихвинское «Я и титьку и зыбку снесла Буке на болото» – Новгородская обл., Хвойнинский район, Ворониха. Алексеева Е. П. 1911 г.р. Записано автором в 1990 г.)³.

Уже с конца XVIII в. комментаторы русских «суеверий» определяют Буку только как «ушашателя детей». Такое «демонологическое амплу» повторяется и у В. И. Даля: «мнимое пугало, которым разумные воспитатели страшат детей».

Но некоторые наблюдения позволяют нам предположить, что в тексте ноэля могут подразумеваться и другие черты образа Буки.

Бука для Пушкина не случайный, а осмысленный персонаж, он фигурирует в «Борисе Годунове» (1825) как весьма агрессивный образ⁴. В письме Пушкина А. Дельвигу из Малинников от 26 ноября 1828 г. есть строки: «...Здесь мне очень весело, ибо я деревенскую жизнь очень люблю. Здесь думают, что я приехал набирать строфы в „Онегина“ и страшат мною ребят как букою»⁵. О том, что данные строки возможно понимать буквально, свидетельствует контекст данного и предшествующего писем (середина ноября 1828 г. А. Дельвигу).

Бука – существо весьма неопределенное по виду и пространству обитания. Он может быть и маленьким (букарка), и ростом с березу. Его вид и образ имитируют крестьяне, одеваясь в вывернутую шубу (Курская губ.) или кладя на грудь щетку (Заонежье). З. К. Завойко обнаруживает его в белом и в саване⁶. В энциклопедии Брокгауза и Ефрона он описан следующим образом: «Народная фантазия, олицетворяя буку, изображает его с огромным открытым ртом и с предлинным языком, которым хватает детей и, бросив в глотку, пожирает их»⁷.

Место обитания Буки неопределенно: лес, болото, сарай, пустое строение, монастырь. Бука неопределен и по его демонологическому статусу (домовой, дворовой, ови́нник, леший)⁸.

Таким образом, Бука определяется только по своей функции, т.е. по своей единственной способности «пугать», а именно детей. В подтверждение приведем популярную поговорку: «Пугают молодого букой, а старого мукой».

Итак, Бука в традиции:

- обладает только одним определенным свойством – он является образом пугания;

- характеризуется определенной неполноценностью – ни в одном жанре русского фольклора он не завершает объявленных или предполагаемых агрессивных действий;

- бытует только в «детской жизни», т.е. адресат предполагаемых действий данных демонологических персонажей – ребенок, младенец. По мере взросления ребенка, с переходом его в социальный статус подростка и взрослого данные существа теряют для него демонологический потенциал. Таким образом, мы фиксируем изменение значимости персонажей в зависимости от возраста носителей традиционной культуры, что делает их серьезным исключением в системе традиционных верований;

- бытует в строго ограниченных жанрах, адресованных детям – в колыбельной песне и в пуганиях при убаюкивании, а также в пуганиях на нарушение детьми поведенческих запретов. В быличках данные образы встречаются редко, видимо, из-за жанровой установки на достоверность. Чаще всего былички с Букой имеют характер одноэпизодных толкований и организуются в качестве ответа на вопрос собирателя.

В фольклорной колыбельной Бука появляется именно на **границе** своего и чужого миров, затем его старательно изгоняют, например: «Баю-баюшки-баю, // Сиди Бука на краю»; «Баю-баюшки, бай-бай, // Поди, Бука, под сарай.»; «Бай-бай-бай-бай, // Не ходи-ка бука в бай. // Бука, в байку не ходи...». Не только в колыбельной песне, но и в этнографической реальности установление контакта с Букой происходят на **границе** «своего» и «чужого» пространства. Именно в окно (граница между внутренним и внешним) кличут Буку для незасыпающего младенца (Тихвинский уезд).

Интересно, что в стихотворении Пушкина символика границы представлена как обозначением Рождественского времени, так и образом «кочующего деспота». Святки актуализируют и временные, и пространственные границы (гадания на перекрестках дорог), что и объясняет явление святочного разгула нечистой силы. Неслучайно

у Пушкина возникает нечисть, только колыбельного, а не святочного происхождения (Бука).

Русский царь оказывается, как и Бука, пограничным персонажем вследствие его прибытия из «чужого» мира («Ура! в Россию скачет // Кочующий деспот»). Царь приближается к **границам** уже не только как реальный монарх, но и как «Бука». Приобретенные царем вполне реальные признаки «иностранности» могут быть истолкованы и как атрибуты мифологического «чужого»: «И прусский и австрийский // Я шшил себе мундир». Образ колыбельной демонологии, Бука, начинает моделировать образ стихотворного сатирического памфлета. Уподобление русского царя Буке имеет и пародийный оттенок: Бука, конечно, нечисть, но это нечисть, которой можно испугать только маленьких детей. Пушкин еще больше «обезоруживает» Буку – сам Бука убаюкивает младенца сказками⁹.

Следует отметить еще один факт – в устойчивых мотивах фольклорной колыбельной песни, основного жанрового поля образа, Бука старательно изгоняется из «своего» пространства, из пространства младенца в пространство чужое: «Поди, Бука, под сарай» (самая частая формула с Букой, реже он «сидит на краю»). Его не допускают в «свое» пространство («Бука, в байку не ходи»; «Бука, в избу не ходи»). Могут объясняться причины изгнания: «Мою Юлю не пугай»; «Ай, Бука, детку не буди»; «Поди, Бука, не мешай». Буку часто наделяют работой: «Коням сена надавай». Мотив пугания-предупреждения с образом Буки в большинстве случаев разворачивается в следующую сюжетную структуру: обозначение (приход вредителя) – его изгнание (определение ему работы). В большинстве текстов уже начальная формула строится на его изгнании «Бай-бай-бай, // Поди, Бука, под сарай». У нас даже есть полевая запись колыбельной (1994 г.), где балладический мотив «татарского полона» органично сочетался с мотивом, где изгоняется другой «чужой» – колыбельный Бука:

Баю-баюшки-баю,
Колотушек надаю.
Колотушек двадцать пять,
Чтобы Юле крепко спать.
Баю-баюшки-баю,
Да вот и матушку мою.
Ты по матушке русеночек,
А по батюшке да татарченочек.
Баю-баюшки-баю,

Сидит Бука на краю.

Баю-баюшки-баю,

Ходи, Бука, под сарай.

(СПбГУКИ. Тихвинский фольклорный архив. Коллекция колыбельных песен. № 104)

Мировоззренческий комментарий к такому мотиву изгнания «чужого» Буки может быть следующим: плач, истерика ребенка, по народным представлениям, могли трактоваться как информация о влиянии «чужого» (когда ребенок во сне улыбается, смеется: «Ангелы небесные беседуют со младенцем, если плачет – думают, что ребенок во сне видит буку»¹⁰). Таким образом, сразу возникал пугающий текст, опосредованно успокаивающий ребенка и изгоняющий в своем сюжете причину его беспокойства – колыбельную нечисть (например: «Иди бука на сарай, // И сыночка не пугай»). Обратим внимание на то, что у Пушкина композиционно образно повторяется структура традиционного охранительного действия (плач младенца как «результат» действия нечисти, пугание и одновременное успокоение).

Ура! в Россию скачет

Кочующий деспот.

Спаситель громко плачет,

А с ним и весь народ.

Мария в хлопотах Спасителя страшает:

«Не плачь, дитя, не плачь, сударь:

Вот бука, бука – русский царь!»

Охранительная функция в колыбельной осуществляется призывом или обозначением Божественных персонажей. У нас есть множество записей колыбельных, когда Божественные персонажи появляются сразу после изгнания Буки и таким образом еще раз снижается его «вредоносность»:

Баю-бай, баю-бай,

Поди, бука, на сарай,

Под сараем-то коза,

Оловянные глаза,

Под сараем-то кирпичи,

Буке некуда легчи.

Поди, бука, под сарай,

Коням сено надавай,

Кони сена не едят,

Все на Маничку глядят.

Тебя батюшка Христос

Под окошечко принес.

Усыпи тебя, дитя,

Богородица свята.

Тебе спать – не писать:
Только глазки зажать¹¹.

Мы ни в коем случае не предполагаем комментировать пушкинский ноэль в контексте традиционного мировоззрения, но обратим внимание, что в данном тексте Божественные персонажи усиливают «изгнание» Буки, в пушкинском стихотворении, наоборот, Бука «устрашает» Христа-младенца устами Богородицы. Но «чужой» Бука в традиции изгоняется¹², а смоделированный качествами традиционного образа «Царь-бука», также с атрибутами чужого (движется из чужого пространства, акцентируется на границе: «Ура! в Россию скачет», с вредоносными признаками («кочующий деспот») и агрессивными желаниями («Лаврову дам отставку, // А Соца – в желтый дом;»), в «чужой» одежде («И прусский и австрийский // Я сшил себе мундир.»), в «свое» пространство проникает. И здесь бесплодность царских обещаний опять вполне коррелирует с нерезультативностью угроз традиционного Буки.

Настоящий комментарий не является попыткой фольклорной идентификации литературного образа. Мы стремились показать, как традиционное понимание пространственно-временных категорий и «фольклорная память» образа может играть в ситуации политического памфлета¹³.

Примечания

¹ А. С. Пушкин. «Сказки. Noël».

Ура! в Россию скачет
Кочующий деспот.
Спаситель громко плачет,
А с ним и весь народ.

Мария в хлопотах Спасителя страшает:

«Не плачь, дитя, не плачь, сударь:
Вот бука, бука – русский царь!»

Царь входит и вещает:

«Узнай народ российский,
Что знает целый мир:
И прусский и австрийский
Я сшил себе мундир.

О, радуйся, народ: я сыт, здоров и тучен;

Меня газетчик прославлял;
Я ел, и пил, и обещал –
И делом не замучен.
Узнай еще прибавку,
Что сделаю потом:
Лаврову дам отставку,

А Соца – в желтый дом;
Закон постановлю на место вам Горголии,
И людям я права людей,
По царской милости моей,
Отдам из доброй воли».
От радости в постели
Распрыгалось дитя:
«Неужто в самом деле?
Неужто не шутя?»

А мать ему: «Бай-бай! Закрой свои ты глазки;
Пора уснуть уж наконец,
Послушавши, как царь-отец
Рассказывает сказки».

(Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Т. 1. Стихотворения, 1813–1820. Л., 1977. С. 304–305)

² Включение жанра сказки не только обуславливает специфику восприятия произведения, но и «подкрепляет» условную ситуацию убаюкивания – сказка, равноправно с колыбельной, используется в традиционной ситуации убаюкивания.

³ При отлучении от материнской груди во многих традициях использовали образ Буки: «С той же целью иногда грудь прикрывали паклей, колючей щеткой или мехом и подносили к ней дитя со словами: “Бука титю съела”» (Логинов К. К. Семейные обряды и верования русских Заонежья. Петрозаводск, 1993. С. 87).

⁴ В «Борисе Годунове», как и в ноэле 1818 г., Бука появляется в сцене ожидания народом царя («Девичье поле. Новодевичий монастырь»). Возникает некая смысловая параллель. Баба успокаивает плачущего ребенка:

Агу! не плачь, не плачь; вот **бука, бука**
Тебя возьмет! агу, агу!.. не плачь!

Далее действующие лица сцены предполагают, что как и все, ради появления нового царя, им необходимо плакать (даже фиктивно, используя лук, слюну). Вновь тот же персонаж:

Ну, что ж? как надо плакать,
Так и затих! вот я тебя вот **бука!**
Плачь баловень!
(Бросает его об землю. Ребенок пищит.)
Ну, то-то же.

(Пушкин А. С. Борис Годунов // Полное собрание сочинений: в 10 т. Л., 1978. Т. 5: Евгений Онегин. Драматические произведения. С. 194–195).

Таким образом, в двух сценах ожидания царя, но в двух разных произведениях у Пушкина фигурирует один и тот же демонологический персонаж.

⁵ Пушкин А. С. Письмо Дельвигу А. А., 26 ноября 1828 г. Малинники // Полное собрание сочинений: в 16 т. М.; Л., 1941. Т. 14: Переписка: 1828–1831. С. 35–36.

⁶ Завойко Г. К. Верования, обряды и обычаи ве-

ликороссов Владимирской губ. // Этногр. обозрение. 1914. Кн. 103/104. С. 39.

⁷ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1891. Т. 4. С. 864–865.

⁸ О Буке и его «вариантах» (буване, букане, буканке, буканушке, буканеа, букачке) см. подробнее: Власова М. Новая абевега русских суеверий. СПб., 1995. С. 63–65; Новичкова Т. А. Русский демонологический словарь. СПб., 1995. С. 60–61. По поводу этимологии слова и генезиса образа предложено ряд гипотез. См., например: Черепанова О. А. Кем «полохали» детей на Руси // Живая старина. 1994. № 1. С. 24; Новичкова Т. А. Указ. соч. С. 61.

⁹ Б. М. Гаспаров иначе комментирует образ Буки в стихотворении А. С. Пушкина. См.: Гаспаров Б. М. Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. Вена, 1992. С. 172–173.

¹⁰ РЭМ. Ф. 7. Оп. I. Д. 348. Л. 21. Новг., Череповецкий, 1898. Жуков А.

¹¹ Мартынова А. Н. Детский поэтический фольклор: антология. СПб., 1997. № 14.

¹² Бука в фольклорных текстах имеет достаточно атрибутов «чужести»: его соблазняют «бесовской» пищей: «Поди, Бука, на повить, // Там кошку дерут, // Тебе лапку дают»; наделяют работой, а наделение нечисти особой работой обеспечивает ее изгнание: «Поди, Бука, под сарай, // Коням сена надавай», «Поди, бука, под сарай, // Под сараем кирпичи, // Буке некуда легчи» (Черепанова О. А. Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. СПб., 1996. С. 66); ср. с наделением работой других существа, отнявших сон: в Тихвинском уезде Бессоннице, или Ночнице, чтобы они не мешали спать младенцу, для ночной «работы» за матицу втыкали миниатюрную прялочку из лучины с куделью (если не спит

девочка) или такую же соху или лук (для мальчика). Приговор при этом был соответствующий «Вот тебе прялка и кудель, пряди, а не Ваней играй». В Заонежье приговаривали аналогично: «Днем Неспяха, ночью работиха. Аминь». Вредитель сна наделялся работой: домовым подвешивали к зыбке кусок кожи с дратвою, веретено с куделью; под зыбку клали топор или веник (Логоinov К. К. Указ. соч. С. 73). Можно дополнить семантику Буки. Он часто выступает как своеобразная «имязамена» табуированных для колыбельной опасных образов и типизируют «чужого», посредством своей устойчивой формулы, в концовке которой заложено отвлечение и изгнание вредителя. Колыбельная для всех «чужих» использует устоявшуюся формулу изгнания Буки, неоднократно испытанную (своего рода – «верное средство»), что усиливает охранный потенциал жанра. Например:

О бай-бай-бай,

Ты, собачка, не лай,

А ступай под сарай,

Да там косточки грызи,

Нашу Ньюшу не буди.

(Мартынова А. Н. Указ. соч. № 163)

¹³ Нам встретилась еще одна литературная колыбельная «Бука» («Буржуазно-колыбельная песня») Д. Бедного, включенная в поэтическую повесть «Про землю, про волю, про рабочую долю» (1920), но здесь в образе Буки выступает большевистская газета «Правда»:

Спи, дитя мое, усни,

Мне с тобою мука.

К «Правде» ручек не тяни –

«Правда» – это бука...

(Бедный Д. Избранные произведения. М., 1963. С. 401–402).